

Ганс Гейнц Эверс

Богомолка

Перевод В. Владимирова-Долгорукова

Собеседники удобно расположились в кожаных креслах вестибюля отеля "Спа" и покуривали. Из танцзала доносилась нежная музыка. Эрхард взглянул на свои карманные часы и зевнул:

- Поздновато, однако. Пора и заканчивать.

В этот момент в вестибюль вошел молодой барон Гредель.

- Господа, я помолвлен! - торжественно объявил он.

- С Эвелин Кетчендорф? - спросил доктор Гандль. - Долго же вы тянули.

- Поздравляю, кузен! - воскликнул Эттемс. - Надо немедленно телеграфировать матушке.

- Будь осторожен, мой мальчик, - неожиданно вмешался Бринкен. - У нее тонкие, жесткие, типично английские губы.

Симпатичный Гредель кивнул:

- Ее мать была англичанка.

- Я об этом тоже подумал, - продолжал Бринкен. - Одним словом, будь начеку.

Однако юный барон явно не желал никого слушать. Он поставил бокал на столик и снова выбежал в танцзал.

- Вам не нравятся англичанки? - спросил Эрхард.

Доктор Гандль рассмеялся:

- А вы этого не знали? Он ненавидит всех женщин, которые несут на себе хотя бы малейший налет благородного происхождения. Особенно англичанок! Ему по нраву лишь толстые, грубоватые, глупые женщины - в общем, гусыни и коровы.

- "Aimer une femme intelligente est un plaisir de pederaste" "Любить умную женщину - счастье для педераста" (франц.). - процитировал граф Эттемс.

Бринкен пожал плечами:

- Не знаю, возможно, так оно и есть. Впрочем, было бы неверным утверждать, что я ненавижу интеллигентных женщин. Если к этому качеству не примешивается что-то еще, я отнюдь не склонен отвергать их. Что же касается любовных увлечений, то я, действительно, побаиваюсь женщин, обладающих душой, чувствами и фантазией. Кстати, коровы и гусыни - вполне респектабельные представители животного мира, они поедают сено и кукурузу, но никак не своих любовников.

Все вокруг продолжали хранить молчание, и он снова заговорил:

- Если хотите, могу пояснить свою мысль. Сегодня утром я был на прогулке. В Валь-Мадонне мне попала на глаза парочка явно готовившихся к спариванию змей - две серо-голубые гадюки, каждая примерно метра по полтора длиной. Они затеяли милую игру, беспрерывно скользили между камнями, время от времени издавая громкое шипение. Наконец они переплели свои тела и в такой позе приподнялись на хвостах, стоя почти вертикально и плотно прижимаясь друг к другу. Их головы практически слились воедино, пасти широко распахнулись, изредка пронзая раздвоенными языками окружающее пространство. О, мне еще никогда не доводилось видеть столь прекрасной брачной игры! Их золотистые глаза сияли, и со стороны могло показаться, что головы этих змей украшены искрящимися коронами!

Наконец они распались, явно утомленные своей дикой игрой, и разлеглись на солнце. Самка первой пришла в себя: она медленно подползла к своему смертельно усталому жениху, вцепилась в его голову и стала заглатывать беззащитно лежащее тело. Глоток за глотком, миллиметр за миллиметром, невыносимо медленно она пожирала своего напарника. Это было, поистине, чудовищное занятие. Я видел, как напрягались все мышцы ее тела - ведь

ей пришлось вмести́ть в себя существо, превосходившее ее по длине. Челюсти самки едва не выскакивали из суставов, она дергалась то вперед, то назад, все глубже и дальше нанизывая себя на тело супруга. Наконец из ее пасти остался торчать лишь его хвост - примерно на длину человеческой ладони, поскольку в теле самки места попросту не оставалось. Тогда она легла на землю - вялая, омерзительная, неспособная даже пошевелиться.

- У вас что, не было под рукой палки или камня? - воскликнул доктор Гандль.

- А зачем? - удивленно спросил Бринкен. - Или я должен был наказать ее? В конце концов природу сотворил не Господь Бог, а дьявол, это еще Аристотель, кажется, сказал. А потому я лишь взялся за этот кончик хвоста и вытащил незадачливого любовника из пасти его слишком уж прожорливой возлюбленной. Они пролежали еще примерно полчаса, вытянувшись рядом на солнце, а я мучил себя догадками относительно того, о чем каждый из них в тот момент думает. Потом оба уползли в кусты - он налево, она направо. Видимо, даже самка змеи неспособна дважды сожрать своего спутника. Впрочем, допускаю, что после пережитого испытания этот бедолага станет с большей осторожностью предаваться любовным утехам.

- Лично я во всем этом не увидел ничего особенного, - проговорил Эрхард. - Любая паучиха после спаривания пожирает своего партнера.

Бринкен между тем продолжал:

- Более того, "богомолы" даже не дожидаются окончания акта, и наблюдать это можно буквально каждый день, причем не далее как на нашем адриатическом острове. Самка обычно весьма ловко поворачивает шею, ухватывает своими ужасными клещами голову восседающего на ней любовника и начинает молча пожирать ее - в самый разгар спаривания. При этом, скажу вам, господа, что и в человеческой среде вы нигде не встретите более яркого проявления атавистических инстинктов, чем в половой жизни. А потому я считаю, что ни к чему все эти задушевные восторги самой распрекрасной красотки, которая может неожиданно предстать передо мной в образе змеи, паучихи или самки "богомолы".

- Я что-то таких пока не встречал, - заметил доктор Гандль.

- Но это отнюдь не значит, что вы не повстречаетесь с ней завтра, парировал Бринкен. - Вы только взгляните на анатомическую коллекцию любого университета и обнаружите там "поистине" дикие и безумные комбинации атавистических мерзостей, на одно лишь воображение которых едва ли хватило бы фантазии среднего обывателя. Там вы встретите едва ли не целое животное царство, облеченное в человеческий образ. Некоторые из подобных существ прожили семь, двенадцать лет, другие - дольше. Дети с заячьей губой, волчьей пастью, с клыками и свиными головами; младенцы, у которых между пальцами рук и ног натянуты перепойки, с лягушачьими ртами и глазами или с головой, как у лягушки; дети с рогами на голове, причем не такими, как у оленя, а наподобие клешней жука-"оленья". Но если мы повсюду видим столь чудовищные проявления физиологического атавизма, стоит ли удивляться, что те или иные черты какого-то животного могут проявиться также я в душе человека? Почему человеческая душа должна быть исключением? Другое дело, что мы не сталкиваемся с ними на каждом шагу, но разве разумно предполагать, что люди станут с готовностью рассказывать о них первому встречному? Вы можете годами поддерживать близкие отношения с каким-нибудь семейством, но так и не узнаете, что один из их сыновей - полнейший кретин, который почти всю свою жизнь находится в психиатрической лечебнице.

- С этим никто не спорит, - кивнул Эрхард, - Но вы так и не рассказали, в чем же причина вашего личного нерасположения к так называемым "опасным" женщинам. Поведайте нам, кто была ваша "богомолка"?

- Моя "богомолка" - проговорил Бринкен, - каждое утро и вечер, действительно, молилась Богу, и даже ухитрилась привлечь к этой деятельности меня самого. Не смейтесь, граф, именно так все и было. По воскресеньям она дважды в день посещала церковь, а в часовню ходила и того чаще, чуть ли не ежедневно. Три раза в неделю она навещала сирых и бедных. Да, моя "богомолка"...

Он остановился на полуслове, налил себе виски, выпил и лишь после этого продолжил:

- Мне было всего восемнадцать лет, когда я, недоучившийся юноша, отправился на свои первые каникулы. В годы учебы в школе, а потом и в университете матушка неизменно отправляла меня на отдых за границу - она верила в то, что это существенно поможет моему образованию. В тот раз я остановился в Дувре, где жил у одного школьного учителя и откровенно скучал. По счастливой случайности там же я познакомился с сэром Оливером Бингэмом, человеком лет сорока, который пригласил меня погостить в его поместье в Девоншире. Я без колебаний принял это приглашение, и уже через несколько дней мы отправились туда.

Замок Бингэма представлял собой великолепное провинциальное строение, уже более четырех столетий принадлежавшее его роду. В громадном и очень хорошо ухоженном парке имелись поля для игры в гольф и теннисные корты; по территории протекала небольшая речушка, а у берега стояла вереница прогулочных лодок. В конюшнях разместились две дюжины скаковых лошадей для охоты. И все это - исключительно для улады гостей. Именно тогда я впервые и познакомился с либеральным английским гостеприимством. Одним словом, моя юная душа была преисполнена безграничного восторга.

Леди Синтия была второй женой сэра Оливера, а двое его сыновей от первого брака учились тогда в Итоне. Я как-то сразу почувствовал, что эта леди лишь формально числится супругой лорда. Сэр Оливер и леди Синтия жили бок о бок, но вели себя так, будто были незнакомы друг с другом. Их взаимоотношения отличала подчеркнутая, тщательно выверенная, но, как мне казалось, все же несколько неестественная вежливость, хотя ее и нельзя было назвать вымученной. Видимо, обоих супругов во многом спасала врожденная и отточенная воспитанием учтивость.

Лишь много позже я понял смысл намерения сэра Оливера предупредить меня о чем-то, прежде чем я познакомлюсь с его женой. Я почти не обратил на его слова никакого внимания, хотя он прямо сказал:

- Будь осторожен, мой мальчик! Леди Синтия, она... в общем, будь поосторожнее с ней. Чего-то он тогда явно недоговаривал.

Сэр Оливер был настоящим джентльменом старой закалки, точно таким, какими их описывают в сотнях английских романов: Итон, Оксфорд, спорт и немного политики. Он явно наслаждался жизнью в своем поместье и даже проявил незаурядные фермерские таланты. Его любили все обитатели замка Бингэм мужчины, женщины, даже животные. Это был крупный, загорелый мужчина с белокурыми волосами, здоровый и добросердечный. Со своей стороны он с не меньшей любовью относился к своему окружению, причем с особой радостью и раскрепощенностью демонстрировал это чувство по отношению к молоденьким служанкам. Делал он все это без малейшего ханжества и почти в открытую, так что не замечала происходящего, пожалуй, лишь одна леди Синтия.

Между тем меня сильно огорчала эта неприкрытая неверность сэра Оливера жене. Мне казалось, что если и существовала когда-либо женщина, заслуживавшая полной и безраздельной любви, так это была именно леди Синтия; если же подобной женщине изменяли, то подобный поступок приравнялся в моих глазах к самым коварным и отвратительным преступлениям.

Ей было примерно двадцать семь лет. Если бы эта дама жила в эпоху Ренессанса, да еще где-нибудь в Риме или Венеции, то ее портреты и сейчас бы еще висели во многих церквах, ибо мне еще ни разу в жизни не приходилось видеть женщину, которая бы так походила на Мадонну. У нее были отливающие золотом каштановые волосы, разделенные на прямой пробор, а все черты лица отличала изысканная пропорциональность. Глаза этой дамы казались мне аметистовыми морями, длинные узкие ладони отсвечивали почти прозрачной белизной, а горло, шея... о, все это скорее походило на неземное творение. Я никогда не слышал шума ее шагов - она не столько ходила, сколько плыла по комнатам.

Неудивительно, что я сразу же влюбился в нее. В те времена я пачками писал сонеты - сначала по-немецки, а потом и по-английски. Возможно, с литературной точки зрения они

были весьма посредственны, но если бы, господа, вы прочитали их сейчас, то уже после первых строк почувствовали бы, сколь прелестна была леди Синтия и в каком состоянии пребывала тогда моя душа.

И вот такую женщину сэр Оливер обманывал, причем почти не утруждая себя скрывать данный факт. Я возненавидел его и с трудом скрывал свои чувства. Видимо, он тоже заметил это, потому что пару раз пытался было заговорить со мной, но нам что-то мешало.

Я никогда не слышал, чтобы леди Синтия смеялась или плакала. Она явно предпочитала молчание и, подобно тени, скользила по парку или комнатам дома. Она не ездила верхом, не играла в гольф и вообще не интересовалась спортом. Не утруждала она себя и работой по дому - все это было возложено на старого дворецкого. Но, как я уже упоминал, ее отличала глубокая религиозность - она регулярно ходила в церковь и навещала больных в трех соседних деревнях. Перед каждым приемом пищи она неизменно читала молитву, а утром и вечером посещала располагавшуюся в замке часовню, где смиренно преклоняла колени. Мне ни разу не довелось увидеть ее читающей газету и очень редко - с книгой в руках. В то же время она очень увлекалась рукоделием, изготовлением кружев и вышиванием. Время от времени она садилась за фортепьяно, хотя умела также играть на стоявшем в часовне органе. Сидя с иголкой в руках, частенько напевала, совсем тихо, - как правило, это были незамысловатые народные мелодии. Лишь много лет спустя я понял, сколь абсурдным было то обстоятельство, что женщина, никогда не имевшая детей, так любила колыбельные песни. По тем же временам это казалось мне отражением ее безграничной грусти, которая пленяла и завораживала меня, как, впрочем, и все остальное в этой женщине.

С самого первого дня наши отношения приобрели вполне конкретные очертания: она - царица, я - ее покорный паж, безнадежно влюбленный, но обученный хорошим манерам. Временами она позволяла мне почитать ей, преимущественно что-нибудь из Вальтера Скотта. Когда она шила или играла, я обычно находился где-то поблизости; довольно часто она пела для меня. За обеденным столом я сидел рядом с ней. Сэр Оливер нередко отлучался из дому, так что мы подолгу оставались одни. Ее сентиментальность совершенно пленяла меня, мне казалось, что она втихомолку скорбит о чем-то, и я считал своим долгом страдать вместе с ней.

Вечерами она часто стояла у узкого окна одной из башенных комнат. Я видел ее из парка и иногда в этот час заходил к ней. Мальчишеская застенчивость не позволяла мне раскрыть рот; я на цыпочках спускался по лестнице в сад, прятался за деревом и бросал в сторону окна длинные тоскливые взгляды, наблюдая, как она подолгу стояла там, совершенно недвижимая. Она часто сжимала ладони, и тогда по ее лицу пробегала странная дрожь, а бездонные аметистовые глаза продолжали все так же неподвижно смотреть вдаль. Казалось, она взирала в никуда, взгляд ее скользил поверх кустов, деревьев и поражал своей отрешенностью.

Как-то однажды вечером мы с ней ужинали вдвоем. После этого долго разговаривали и, наконец, прошли в музыкальный салон. Она играла для меня. Но отнюдь не звуки музыки заставили меня покраснеть: я смотрел на ее белые руки, на эти пальцы, которые словно не принадлежали человеку. Наконец она закончила и полуобернулась ко мне. Я схватил ее ладонь, склонился над ней и прикоснулся губами к кончикам этих неземных пальцев. В этот момент вошел сэр Оливер. Леди Синтия в свойственной ей вежливой манере пожелала ему спокойной ночи и вышла.

Сэр Оливер видел мой жест, не мог он не заметить и возбужденное горение моих глаз, в которых беззвучно стонало неразделенное чувство. Он пару раз прошелся по зале, очевидно с трудом сдерживаясь, чтобы не бросить мне упрека. Потом подошел ко мне, положил ладонь на плечо и сказал:

- Ради всего святого, мой мальчик, будь осторожен! Я еще раз говорю, нет - прошу, умоляю тебя: будь осторожен. Ты...

В эту секунду вернулась леди Синтия - ей надо было взять кольца, которые она забыла

на рояле. Сэр Оливер резко осекся, крепко пожал мою руку и, поклонившись жене, вышел. Леди Синтия приблизилась ко мне, поочередно надевая кольца, после чего протянула обе руки для прощального поцелуя. Она не произнесла ни единого слова, но я воспринял это как приказ, наклонился и покрыл ее ладонь жаркими поцелуями. Леди Синтия долго не отрывала руки, но затем высвободилась и покинула меня.

Я испытал такое чувство, будто совершил неимоверно подлый поступок по отношению к сэру Оливеру, и решил, что попросту обязан поставить его обо всем в известность. Мне показалось более уместным сделать это в письменной форме, поэтому я прошел к себе в комнату и сел за стол. Написал одно, второе, третье письмо, причем каждое последующее казалось мне глупее и нелепее предыдущего. Наконец я решился лично поговорить с сэром Оливером и отправился на его поиски. Я очень боялся растерять остатки решимости и потому опрометью взбежал по лестнице, но перед широко распахнутой дверью его курительной замер на месте как вкопанный. Изнутри доносились голоса: сначала игривый, совершенно непринужденный смех сэра Оливера, затем звонкий женский голосок:

- Но, сэр Оливер...

- Ну ладно, не будь глупышкой, - проговорил хозяин замка, - не надо уж так...

Я резко повернулся и стал спускаться по лестнице. Женский голос принадлежал Миллисент, одной из наших горничных.

Через два дня сэр Оливер снова уехал в Лондон, а я остался в замке Бингэм с леди Синтией.

На этот раз мне показалось, что я оказался в чудесной стране, в Эдеме, который Господь сотворил для меня одного. Трудно описать колдовскую силу охвативших меня фантазий. Я попытался описать их в одном из писем, которые отправил своей матери. Несколько месяцев назад я навестил ее, и она показала мне то старое письмо, которое сохранила из нежных чувств к сыну. На оборотной стороне конверта были начертаны слова: "Я очень счастлив!" Само же письмо содержало невообразимую мешанину из моих чувств, переживаний и страстей: "Дорогая мамочка! Ты спрашиваешь, как я себя чувствую, что делаю? О мамочка! О мамочка, мамочка!" И еще с десятков раз "О мамочка!" - и ни слова больше.

Читая подобные слова, можно вообразить, что они выражают либо невыносимую боль, жесточайшее страдание, отчаяние, либо бесподобный, непередаваемый восторг - во всяком случае, нечто поистине выдающееся, незаурядное, что может переживать человек!

Я запомнил то раннее утро, когда леди Синтия отправилась в часовню, располагавшуюся неподалеку от замка, у ручья. Я нередко сопровождал ее в этой прогулке, после чего мы отправлялись завтракать. Но в то утро она подала мне знак - я понял его без лишних слов. Войдя следом за ней в часовню, я увидел, как она преклонила колени, и встал рядом с ней. С той поры мы часто ходили туда вместе, и я не делал практически ничего - просто смотрел на нее. Однако постепенно я стал повторять ее действия - я тоже начал молиться. Вы только представьте себе, господи, я, немецкий студент, стою на коленях и молюсь! Это было какое-то язычество! Я не знал, кому или чему слал свои молитвы, просто это было некое выражение благодарности женщине за ниспосланное мне блаженство, сплошной поток слов, отражавших счастливые и чувственные желания.

После того случая я немало отскакал верхом - надо было хоть немного успокоить бурлящую кровь.

Как-то раз я выехал довольно рано, заблудился и в итоге провел в седле несколько часов. Когда же я наконец пустился в обратный путь, разразилась гроза, да такая, что из-за дождя ничего нельзя было разглядеть. Я вернулся к речке и обнаружил, что деревянный мост смыло потоками воды, а чтобы добраться до ближайшего каменного, пришлось бы сделать весьма приличный крюк. К тому времени я уже промок до нитки, так что, не задумываясь, бросился в бурлящую воду. Наконец я и лошадь выбрались на берег. Бедное животное тоже успело основательно вымотаться, так что дорога от реки до замка заняла у меня немало времени.

Леди Синтия ждала меня в гостиной. Я поспешно прошел в свою комнату, умылся и сменил одежду. Наверное, вид у меня был довольно усталый, во всяком случае, она предложила мне прилечь на диван, а сама присела рядом и, поглаживая мой лоб, запела:

"Нежный малютка спит в вышине,
Средь веток деревьев качаясь во сне.
Ветер взметнется, подует опять,
Станет сильней колыбельку качать.
Хрустнула ветка, рухнула вниз.
Нет колыбельки - лишь дитятки визг!"

Она гладила меня по лбу и пела, а мне казалось, будто я лежу в какой-то волшебной колыбели, подвешенной к ветке дерева - высоко-высоко. Дул ветерок и тоже словно что-то напевал, а моя колыбель медленно покачивалась в его ласковых волнах. "Только бы сук не надломился!" - подумал я.

Что ж, господа, мой сук все же хрустнул, и я упал на землю, причем довольно сильно ушибся. Леди Синтия в любой момент была готова протянуть мне свои руки, но лишь руки, тогда как я с трепетом, вожделенно мечтал о ее плечах, лице и о! - ее губах. Разумеется, я никогда не заговаривал с ней об этом, хотя взгляды говорили, что и сердце мое, и душа принадлежат ей каждый день, каждый час. Все это она принимала, а мне протягивала лишь руки.

Иногда, когда я ближе к вечеру часами сидел подле нее, а моя бурлящая кровь буквально была готова брызнуть через поры, она вставала и спокойно говорила:

- А сейчас покатайтесь верхом.

Затем уходила к себе в башню, а я тихо следовал за ней и подглядывал через занавески. Я видел, как она брала в руки маленькую книжку в старинном переплете, садилась, несколько минут читала, после чего вновь вставала, подходила к окну и долго смотрела в него. Я спускался в конюшню, седлал лошадь, некоторое время скакал по парку, а потом выезжал в поля. Как сумасшедший носился я в сгущавшихся сумерках, а возвратившись, принимал холодный душ, что позволяло мне хоть немного отдохнуть перед ужином.

Однажды я выехал немного раньше и вернулся к чаю. С леди Синтией мы встретились в холле, когда я направлялся в ванную.

- Будете готовы - приходите, - проговорила она. - Только поспешите. Чай подан в башне.

- Но мне же надо переодеться. Не в халате же...

- Приходите как есть.

Я вскочил под душ, открыл оба крана и уже через несколько минут завершил купальную процедуру. Потом прошел в башню.

Леди Синтия сидела на диване, сжимая в руках свою маленькую книжицу; увидев меня, она отложила ее в сторону. Так же, как и я, она была облачена в халат - восхитительное пурпурное кимоно, расшитое темным золотом. Она налила мне чаю, намазала маслом тост. Все это время мы не сказали друг другу ни слова. Я мгновенно проглотил бутерброд, запил его обжигающим чаем, все время чувствуя дрожь в теле. Наконец у меня на глазах выступили слезы. Я встал перед ней на колени, сжал ее руки, опустил лицо на нежные колени. Она не возражала.

Неожиданно она поднялась.

- Вы можете делать все, что вам заблагорассудится, - проговорила леди Синтия. - Абсолютно все. Но при этом не должны произнести ни слова. Ни единого слова!

Я не очень-то понял, что она имела в виду, но тоже встал и кивнул. Она медленно подошла к узкому окну. Я было заколебался, не зная толком, что мне делать, но потом двинулся следом и встал рядом с ней, все время помня, что не должен раскрывать рта.

Я стоял рядом с ней - безмолвный, молчаливый, едва различая ее дыхание. Потом наклонился - очень медленно - и коснулся губами грациозной шеи. О, какой это был нежный поцелуй, бабочка, и та не могла бы прикоснуться мягче. И я почувствовал, что она также

ощутила мой поцелуй, - словно легкая зыбь пробежала по ее коже.

Тогда я начал целовать ее плечи, ароматные волосы, сладкое ухо, делая все это легонько, очень мягко, трепетно, едва касаясь губами и при этом не переставая все же смущаться. Мои руки искали и наконец нашли ее пальцы, ласково заскользили по ним вверх-вниз. С ее губ сорвался слабый вздох и улетел в вечернюю мглу.

"Ведь прекрасней ласковых слов,

Благодатней ангельских труб..."

Я сомкнул веки. Нас разделял лишь тонкий шелковый покров, Я глубоко дышал сам и слышал ее прерывистое дыхание. Все мое тело содрогалось от мельчайших конвульсий, я, не переставая, ощущал биение ее сердца, плоти. Она задышала чаще, потом еще чаще, по телу прошла жаркая дрожь. Наконец она схватила мои ладони и крепко прижала их к своей груди.

Я обнял ее, крепко сжал в объятиях и так держал, сам не знаю, сколько времени. Потом ее руки упали, казалось, она вот-вот потеряет сознание. Наконец ей удалось собраться с силами.

- Иди, - мягко произнесла она.

Как всегда подчиняясь ей, я разжал объятия и ушел, стараясь ступать на цыпочках.

В тот вечер я ее больше не видел и ужинал в полном одиночестве. Между нами что-то произошло, но я не понимал, что именно.

Впрочем, в те дни я был еще слишком молод.

На следующее утро я опять ждал ее у часовни. Входя в нее, леди Синтия кивнула мне, после чего прошла внутрь, преклонила колени и стала молиться.

Несколько дней спустя (а потом это стало повторяться каждый день) она сказала:

- Приходи сегодня вечером! - И добавила: - Только не говори ни слова, ни слова!

Мне было всего восемнадцать лет, и я оставался таким неловким, неопытным! Однако леди Синтия отличалась мудростью, и все получалось так, как она того хотела. Ее уста также не произносили ни слова, молчали и мои губы - лишь кровь в наших телах вела между собой оживленный разговор.

Потом вернулся сэр Оливер. Мы сидели в столовой - леди Синтия и я, когда раздался его голос, У меня из рук выпала вилка, мне показалось, что мое лицо сейчас бледнее скатерти. Не страх овладел мною - это был определенно не страх! Просто к этому времени я совершенно забыл, что на свете вообще существует такой человек, как сэр Оливер.

В тот вечер он пребывал в добром настроении. Естественно, он сразу же заметил мое замешательство, однако ни единым движением не дал этого понять. Он ел, пил, рассказывал о Лондоне, говорил о театрах и скачках. Сразу после ужина он откланялся, похлопал меня по плечу и изысканно пожелал супруге спокойной ночи. Прежде чем уйти, он, как мне показалось, несколько секунд внимательно всматривался в меня. Я не знал, что мне делать, а потому пробормотал, что тоже устал, поцеловал руку леди Синтии и удалился.

В ту ночь я не сомкнул глаз. Мне все время казалось, что сэр Оливер вот-вот зайдет в мою комнату, и потому прислушивался к каждому шороху.

Я был просто уверен, что он должен прийти. Но он так и не пришел. В конце концов я разделся и лег в постель. В мозгу билась мысль: "Что же теперь будет!"

Одно мне представлялось совершенно ясным: я должен обо всем рассказать сэру Оливеру, после чего отдать себя на его милость. Но насколько я мог раскрыться? Мне было известно, что в Англии уже не существуют дуэли, хотя, думаю, он лишь высмеял бы меня, согласись я предложить ему нечто подобное. Но... что же тогда? А может, он вздумает привлечь меня к суду? Он - меня? Однако это показалось мне еще более нелепым, поскольку в подобном случае он вообще не получит никакой сатисфакции. Или драка на кулаках? Но он был гораздо сильнее меня, намного шире в плечах и вообще слыл одним из лучших спортсменов Англии, тогда как я толком ничего не соображал в этом виде спорта, а все, что умел, перенял от него самого. Но как бы то ни было, я не мог не предоставить ему возможность бросить мне вызов, а там - будь что будет.

Внезапно я подумал: если заговорю, не станет ли это предательством по отношению к

леди Синтии?

Ну ладно, пусть он уродует меня хоть до смерти, но она-то! Святая, нежная женщина... что же будет с ней? Ведь она же ни в чем не виновата. Вся ответственность за случившееся лежала на мне одном, и я знал это с самого начала. Вошел в их дом, с первого взгляда влюбился в нее, вожделел, преследовал ее, куда бы она ни шла. И неважно, что она сама протянула мне свои белые руки, - я сам жаждал ее, желал с каждым днем все больше, вплоть до того самого дня, когда...

Действительно, сам я ничего не говорил, но ведь кровь моя ежечасно взывала к ней. Какой толк в словах, когда при одном виде ее меня охватывала дрожь! Она, против воли прикованная к своему супругу, предаваемая им едва ли не на глазах у всех окружающих, терпящая все эти муки и издевательства, словно святая... Нет, ни малейшая тень вины не должна упасть на нее! Так стоит ли удивляться, что в конце концов она уступила своему соблазнителью, который преследовал ее буквально на каждом шагу...

Но даже теперь, после всего случившегося, она оставалась святой. И отдалась она мне скорее от доброты своего сердца, из чистой жалости к молодому человеку, который столь страстно домогался ее. Она отдала мне себя подобно тому, как одаривала бедных, которых навещала в деревнях, но, несмотря на все это, оставалась целомудренной. И так велик был ее сладостный стыд, что она не позволяла мне в те минуты даже открыть рот, ни разу не повернула головы и не взглянула в глаза...

Наконец я все понял: на мне одном лежала вся тяжесть вины. Я оказался соблазнителем, мерзким негодяем, и теперь мне следовало поплатиться за содеянное - но как? Не встать же перед сэром Оливером на колени, прося прощения! Нет, нет. Но что-то надо было делать, хотя мысли мои сбивались в кучу и я никак не мог принять решения. Прошла ночь, но и она не разрешила мои сомнения.

Завтракал я у себя в комнате.

Неожиданно вошел дворецкий:

- Сэр Оливер интересуется, не будете ли вы столь любезны составить ему партию в гольф?

Я кивнул, быстро оделся и спустился вниз.

Никогда я не был хорошим игроком, но в этот раз вообще не столько бил клюшкой по мячу, сколько взрыхлял ею землю.

Сэр Оливер рассмеялся:

- В чем дело?

Я что-то пробормотал в ответ, однако, когда мои удары стали и того хуже, он явно нахмурился:

- Это... Вы... Вы подходили к окну, молодой человек?

Дело зашло слишком далеко. Уронив клюшку, я понимал, что он в любой момент одним ударом может лишить меня жизни.

Я кивнул и произнес бесцветным тоном:

- Да.

Сэр Оливер присвистнул, хотел было что-то сказать, но промолчал. Потом еще раз свистнул, повернулся и медленно побрел назад к замку. На некотором удалении от него вяло тащился и я.

В то утро я не видел леди Синтию. Когда послышался гонг к обеду, я с трудом заставил себя спуститься в столовую.

В дверях я встретил сэра Оливера. Он подошел ко мне и проговорил:

- Мне бы не хотелось, чтобы вы сегодня разговаривали наедине с леди Синтией.

После этого он жестом пригласил меня к столу.

За едой я едва обменялся с нею парой фраз. Сэр Оливер, напротив, оживленно рассказывал о чем-то. Под конец трапезы леди Синтия приказала подготовить экипаж - она собиралась навестить своих бедняков.

Протянув мне на прощание руку, которую, я, естественно, поцеловал, она проговорила:

- Чай, как обычно, в пять.

Вернулась она, однако, лишь к шести часам. Я стоял у окна и видел подъехавший экипаж. Женщина подняла на меня взгляд. "Иди ко мне", - явно говорили ее глаза.

В дверях я столкнулся с сэром Оливером.

- Моя жена вернулась, - сказал он. - Чай мы попьем вместе.

"Ну вот, начинается", - подумал я.

На столике стояли лишь две чашки: было ясно, что леди Синтия ждала меня, но никак не своего супруга. Она, однако, тут же позвонила и приказала принести третью чашку. И вновь сэр Оливер взял почти весь разговор на себя, хотя все его попытки завязать беседу оказались еще менее успешными, чем за обедом. В конце концов все умолкли.

Вскоре леди Синтия встала и вышла. Сэр Оливер продолжал хранить молчание и лишь что-то легонько насвистывал сквозь зубы. Неожиданно он резко вскочил с кресла, словно его посетила какая-то идея.

- Пожалуйста, подождите меня, - быстро проговорил он и поспешно вышел.

Мне не пришлось долго ждать - через несколько минут он вернулся и жестом пригласил меня следовать за ним. Миновав несколько коридоров, мы наконец подошли к уже знакомой мне башенной комнате. Сэр Оливер задвинул портьеры перед дверью, отворил ее, заглянул внутрь и, повернувшись ко мне, сказал:

- Принесите мне маленькую книжку, что лежит вон на том кресле.

Я подчинился. Скользя между шторами, я оказался в комнате и увидел, что леди Синтия снова стоит у окна. Я чувствовал, что совершаю какое-то предательство по отношению к ней, но никак не мог смекнуть, что и как именно. Я очень тихо подошел к креслу, взял маленькую книжицу в парчовом переплете, которую так часто видел у нее в руках, вернулся назад и протянул ее сэру Оливеру. Приняв книжку, он взял меня под локоть и прошептал:

- Пойдем, мой мальчик.

Мы спустились по лестнице, миновали дворовые постройки и прошли в парк.

Одной рукой он продолжал держать меня под локоть, а в другой сжимал книгу. Наконец он произнес:

- Ты любишь ее? Сильно? Очень сильно? - Ответа он явно не ждал. Впрочем, к чему слова? Я тоже когда-то любил ее, возможно даже больше, чем ты, хотя и был почти в два раза старше тебя. И сейчас я говорю все это не ради леди Синтии, а только ради тебя!

Он снова умолк. Мы шли по широкой аллее, потом свернули на небольшую боковую дорожку. Под старыми вязами стояла скамья, он сел на нее и пригласил меня присесть рядом. Потом поднял руку, указал куда-то вверх и проговорил:

- Смотри! Вон она стоит.

Я поднял взгляд - леди Синтия стояла у своего окна.

- Она видит нас, - сказал я.

Сэр Оливер громко рассмеялся:

- Нет, она нас не видит. Даже если бы на нашем месте сидела сотня человек, она бы никого из них не увидела и не услышала: Она видит лишь эту книгу, а больше - никого и ничего!

Он сжал миниатюрный томик своими сильными пальцами, словно хотел смять, раздавить его, но неожиданно прижал книжицу к моей ладони.

- Я понимаю, мой друг, что жестоко показывать тебе такое, очень жестоко. Но я делаю это исключительно ради твоего же блага. Читай!

Я раскрыл книгу. В ней было всего несколько жестких страниц текста, напечатанного на бумаге ручной работы. Приглядевшись внимательнее, я обнаружил, что текст не напечатан, а написан от руки, и я узнал почерк леди Синтии.

Я стал читать:

"КАЗНЬ РОБЕРТА ФРАНСУА ДЭМЬЕНА НА ГРЕВСКОЙ ПЛОЩАДИ В ПАРИЖЕ,
СОСТОЯВШАЯСЯ 28 МАЯ 1757 ГОДА НА ОСНОВАНИИ ПОКАЗАНИЙ

ОЧЕВИДЦА ПРЕСТУПЛЕНИЯ - ГЕРЦОГА КРОЙСКОГО".

Буквы заплясали у меня перед глазами. Какое, какое отношение все это могло иметь к стоявшей перед окном даме? В горле у меня неожиданно пересохло, я не мог разобрать ни слова. Книга выпала из моих рук.

Сэр Оливер поднял ее и сам начал читать вслух:

"На основании показаний очевидца преступления - герцога Кройского..."

Я поднялся. Что-то заставило меня сделать это. При этом я испытал такое чувство, будто должен был немедленно бежать отсюда, скрыться, подобно раненому зверю, в густых кустах. Однако сильная рука сэра Оливера удержала меня на месте. Он продолжал читать, произнося слово за словом своим безжалостным голосом:

"Роберт Дэмьен, который 5 января 1757 года совершил покушение на жизнь Его Величества короля Франции Луи XV, ранив его в Версале ударом кинжала, был приговорен 28 мая того же года к смертной казни.

Ему был вынесен такой же приговор, как и Франсуа Равальяку, убийце короля Генриха IV, который был приведен в исполнение 17 мая 1610 года.

Утром в день казни тело Дэмьена было распростерто на специальной подставке; его предплечья, бедра и лодыжки были проколоты раскаленными докрасна крюками, а в отверстия были залиты расплавленный свинец, кипящее масло и горящая смола, смешанные с воском и серой.

В три часа дня атлетически сложенный правонарушитель был доставлен к собору Парижской Богоматери, а оттуда - на Гревскую площадь. Улицы заполняли толпы народа, которые не выражали приговоренному ни своего сочувствия, ни осуждения. Представители аристократии, разодетые как на праздник, элегантные дамы и благородные господа столпились у окон своих домов, обмахиваясь веерами и держа наготове ароматические соли на случай внезапного обморока. В половине пятого начался грандиозный спектакль. В центре площади был сооружен специальный помост, на котором распростерли тело Дэмьена. Вместе с ним на помост поднялись палач и два священника. Громадный мужчина - приговоренный не выражал ни удивления, ни страха и лишь желал поскорее умереть.

Шестеро помощников палача при помощи железных цепей и колец наглухо приковали его тело к деревянным доскам. Затем на его правую ладонь была вылита горящая сера, что вызвало у Дэмьена страшный по силе вопль. Можно было заметить, как на голове его волосы встали дыбом, тогда как рука продолжала гореть. Раскаленными крючьями палачи принялись выдирать из его рук, ног и груди большие куски мяса. В свежие раны заливались расплавленный свинец и кипящее масло. Все пространство площади заволкло запахом горящей плоти.

Вслед за этим руки и ноги Дэмьена были обвязаны толстыми веревками, к каждой из которых пристегнули по одной из крепких лошадей, расположенных по четырем углам помоста. Стражники принялись нещадно нахлестывать лошадей с явной целью разорвать несчастного на части. Целый час взмыленные животные пытались стронуться с места, но так и не смогли оторвать ни руку, ни ногу Дэмьена. Свист хлеставших лошадей кнутов и крики палачей перекрывались воплями извивавшегося в агонии преступника.

Затем привели еще шесть лошадей, подсоединенных, к четырем прежним. Крики Дэмьена переросли в безумный рев. Наконец ассистенты палача получили от присутствовавших здесь же судей разрешение произвести необходимые надрезы в местах костных сочленений, чтобы облегчить лошадям их работу. Дэмьен приподнял голову, чтобы получше разглядеть, что с ним делают, однако не издал ни звука, пока разрезали его сухожилия. Он лишь повернул лицо и дважды поцеловал протянутое ему Распятие, тогда как оба священника наперебой призывали его к раскаянию. После этого всю десятку лошадей снова стали хлестать кнутами, в результате чего через полтора часа после начала попыток удалось оторвать Дэмьену левую ногу.

Люди на площади и сидевшие перед окнами аристократы захлопали в ладоши. Работа продолжалась.

Вслед за этим была оторвана правая нога - Дэмьен продолжал истошно вопить. Палачи надрезали также плечевые суставы и вновь принялись нахлестывать лошадей. Когда от тела отделилась правая рука, крики осужденного стали затихать. Голова его завалилась набок, а когда лошади оторвали и левую руку, резко дернулась назад. Теперь от Дэмьена оставалось лишь окровавленное туловище с полностью поседевшей головой. Но жизнь продолжала теплиться в изуродованном теле.

После этого палачи состригли его волосы, а священники снова приблизились к умирающему. Главный палач - Анри Сэмсон - отстранил их жестом руки, сказав, что Дэмьен уже испустил дух. Таким образом, должно было сложиться мнение, что преступник отказался от последнего покаяния, поскольку все видели, что туловище все еще изгибается из стороны в сторону, а нижняя челюсть судорожно шевелится, словно Дэмьен силился что-то сказать. Он, действительно, все еще дышал, вращая глазами и словно окидывая взглядом стоявших вокруг людей.

Останки покойного были сожжены на костре, а пепел развеян по ветру.

Таков был конец несчастного, перенесшего самые ужасные пытки, которые когда-либо знало человечество. Все это произошло в Париже, у меня на глазах, равно как и перед тысячами других людей, включая многих благородных и прекрасных дам, сидевших перед окнами своих домов".

- Разве удивительно, господа, - заключил Бринкен свой рассказ, - что после того вечера я стал несколько опасаться женщин, имеющих чувства, душу и воображение? Особенно англичанок.